

DOI 10.25991/VRHGA.2020.19.1.022

УДК 27–144.89; 27–675

К. Е. Нетужилов*

**ПАНЕГИРИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ:
ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII ВЕКА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I****

В данной статье рассматриваются принципы использования авторитета церкви в интересах идеологического обеспечения секулярного государства Петра I.

Ключевые слова: Петр I, церковь, проповедь, панегирик.

K. E. Netuzhilov

*PANEGYRIC THEOLOGY: A CHURCH SERMON OF THE FIRST QUARTER
OF THE 18TH CENTURY AS AN INSTRUMENT FOR PROPAGATING
THE REFORMS OF PETER I*

This article discusses the principles of using the authority of the church in the interests of the ideological and propaganda support of the secular state of Peter I.

Keywords: Peter I, church, sermon, eulogy.

Преобразование Московского государства в Российскую империю стало закономерным итогом всего комплекса преобразований, совершившихся в царствование Петра I. Россия стала частью европейского политического и культурного пространства, что подразумевало изменение прежних ценностных ориентиров. Так как абсолютизм императорской власти формально противоречил традиционным теократическим установкам, характерным для Московской Руси, Петру I приходилось последовательно проводить в жизнь

---

* Нетужилов Константин Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; konstnet@mail.ru

** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20–011–42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

идею полного подчинения церкви государству, строжайшего разделения светской и духовной власти. Эта политика требовала не только систематического насилия, но и серьезной информационно-пропагандистской поддержки, для которой был необходим самый разнообразный инструментарий. Причем не только использование этого инструментария, но и само его создание в условиях России являлось составной частью процесса модернизации страны.

В основе модернизационной концепции Петра I лежал принцип государственной пользы. Создаваемая им система координат предполагала приоритет имперской идеологии над религиозными постулатами. По сути дела, создавался новый культ, в центре которого находилось государство. Величие государства становилось главной целью, а обществу отводилась роль средства для ее достижения. Таким образом начиналось формирование новой российской идентичности, в которой государство (логично воплощаемое в личности императора) получало сакральное значение. В этой системе религиозные ценности неизбежно ставились на службу государству, что усиливало и без того болезненный для общества характер трансформации картины мира.

Параллельно требовалось решать проблему внешнего информационно-пропагандистского обеспечения. К началу XVIII в. в европейских странах уже давно сложилась традиция достаточно негативного восприятия «страны московитов». Для формирования положительного образа новой России на Западе также были необходимы серьезные усилия. В этом плане царствование Петра I вызывает значительный интерес, т. к. впервые в истории России наблюдалось столь масштабное и многообразное использование методов информационного обеспечения внешней и внутренней политики.

Уже с началом Северной войны возникла настоятельная потребность создания положительного имиджа России в Европе. Для решения этой неотложной задачи использовались давно известные в европейских странах приемы. Прежде всего осуществлялась вербовка знаменитых в то время публицистов, которым заказывались статьи с последующим размещением в популярных на Западе периодических изданиях. Позже при русских посольствах была создана целая сеть специальных агентов, распространявших в европейских столицах летучие листки с информацией о прошлом и настоящем России, о военных победах над Швецией и т. п. Исследовавший историю «информационной Северной войны» Г. В. Жирков совершенно справедливо отметил, что

вся эта печатная продукция несла европейскому читателю новое представление о России, ее царе и народе, помогала понять ее внешнюю и внутреннюю политику. Она была органичным дополнением петровской печати, которая родилась в ходе реальной и информационной войн с шведами и стала их опорой» [5, с. 55].

Но внутри самой России, где, в отличие от стран Запада, не только отсутствовала культура повседневного потребления светского печатного слова, но и общий уровень грамотности населения был катастрофически низким по сравнению с европейскими странами, подобные методы не могли быть сколько-нибудь эффективными. По сути, единственным инструментом прямого социального воздействия в этой ситуации могла быть церковная проповедь, теоретически доступная для устного восприятия максимальному количеству

людей. Вследствие этого по настоящему эффективным проводником новой идеологии чисто технически могла служить только церковь. Разъяснение тех или иных государственных задач с амвона церкви, доступным для слушателей языком и понятной им системой образов стало важнейшей составляющей идеологической политики Петра I.

В начале XVIII столетия проповедническое искусство занимало совершенно особенное место в отечественной повседневной культуре. Еще во второй половине предыдущего, XVII столетия, в России был накоплен определенный опыт барочного просветительского проповедничества в латино-польском варианте, ориентированного на сообщение пастве знаний вероучительного и нравственного характера [11]. При этом довольно долгое время сам круг внимающей проповеднику паствы оставался крайне незначительным, редко выходя за пределы придворного сообщества царей Алексея Михайловича или Федора Алексеевича. Образцы красноречия Симеона Полоцкого в большей степени были придворным интеллектуальным развлечением, чем инструментом социального воздействия. Как уже отмечалось в исследовательской литературе, «в России проповедь первоначально оказывается не регулярной практикой каждого священника, а ученым занятием ученого монашества» [8, с. 245]. Но теперь этот опыт предстояло развить в новых условиях, вывести за пределы придворной культурной среды, многократно расширив аудиторию и существенно изменив содержательную часть проповеди в пользу государственного интереса. Именно в этой попытке возложить на иерархию выполнение утилитарных государственных задач, наполнить ее речь «чисто гражданским содержанием» [4, с. 215] видится первый шаг на пути полноценного подчинения церкви государству, совершившегося в период петровского царствования.

Но реализация этого механизма неизбежно столкнулась с рядом трудностей. Прежде всего из-за сопротивления самого духовенства, сразу оказавшегося в первых рядах критиков секулярной политики Петра I. Первоначальное восприятие петровских преобразований встретило в церковной среде резко отрицательный характер. Решительная секуляризация всех без исключения государственных и социальной практик, регулярно сопровождаемая подчеркнутой антиклерикальной пропагандой (принимавшей порой гротескный характер), вызвала естественное отторжение среди духовенства. Степень этого отторжения можно косвенно оценить по материалам дел Преображенского приказа, выполнявшего в петровское царствование роль тайной политической полиции. По подсчетам Н. Б. Голиковой, исследовавшей весь массив материалов фонда Преображенского приказа, до одной трети хранящихся в нем дел было так или иначе связано с «непристойными речами» духовенства [3, с. 130]. Под «непристойными речами» понимались отдельные выступления против Петра I и проводимой им политики, открытое выражение сомнений в его «истинности», утверждение о том, что он является антихристом, порицание его повседневного поведения, не соответствующего царскому сану, жалобы на введение иностранных обычаев, разговоры о пренебрежении царя к православию и т. п. Данные проявления нелояльности, несмотря на достаточную их массовость, носили частный характер и не принимали каких-либо организованных форм. Такое же

неприятие петровских преобразований просматривается в делах, связанных с громкими политическими процессами, в ходе которых привлекались представители епископата (дело Г. Талицкого, дело царицы Евдокии, дела митрополита Игнатия (Смолы), епископа Досифея (Глебова), митрополита Иоасафа (Краковского) и др.). При этом, как явствует из большинства дел, негативные оценки личности и поступков Петра I не носили публичного характера, ограничиваясь рамками частных суждений («комнатных разговоров»). Но имели место и попытки антипетровской пропагандистской публицистики — в виде обличительных «листочков» и «тетрадок», создававшихся в монастырской среде (именно это обстоятельство повлекло за собой указ 1701 г., строго запрещавший монахам держать в кельях бумагу, чернила и писать что-либо «без повеления начального» [17, № 1834]).

При этом следует иметь в виду, что антипетровские настроения духовенства являлись квинтэссенцией общего народного мнения, основанного еще на принципах старомосковского консерватизма. Поколение ревнителей московской старины и «древлецерковного благочестия» окончательно сошло с исторической сцены только к концу 1730-х гг. Но шлейф такого восприятия конфессиональной политики Петра I протянулся в будущем на два столетия всего синодального периода истории русской православной церкви. А. В. Карташёв совершенно точно подметил, что «от каждого поколения выдающихся иерархов сохранились воспоминания об их воздыханиях в томительных ожиданиях освобождения от уз синодальной конституции» [10, с. 315]. Таким образом, уже к началу XVIII в. было заложено основание антипетровского мифа, которому со стороны идеологов реформированного государства почти сразу же был противопоставлен свой миф — апологетический миф о царетруженике и просветителе.

Одним из основных акторов для создания официальной апологетической традиции стали представители высшей церковной иерархии, призванные найти необходимые слова для одобрения происходящей в стране перестройки. Оптимальной формой такой пропаганды могла быть в это время только проповедь. Проповедничество (не в собственно церковном, а в прикладном пропагандистском варианте) чрезвычайно поощрялось самим Петром I, который стремился не только юридически оформить важнейшие преобразования, но и добиться их оправдания, объяснить их объективную необходимость. В результате появился специфический жанр т. н. «Слов» торжественного и панегирического характера, прославляющих успехи и оправдывающих действия Петра I. А. М. Панченко, характеризуя смысл происходивших изменений, констатировал, что в это время «проповедник начинает писать слова по указу и заказу, а сама церковная проповедь переходит в пространство социальное» [15, с. 112]. Петр I старался подкрепить торжественным «Словом» каждое значительное событие, прямо указывая конкретные темы и даты авторам. Так, в декабре 1722 г. он велел иеромонаху Гавриилу (Бужинскому) сочинить совместно с преподавателями Славяно-греко-латинской академии, а затем напечатать торжественные службы в честь ряда памятных дат — 27 июня (Полтавское сражение), 30 августа (заключение Ништадтского мира), 28 сентября (битва у деревни Лесной), 24 ноября (тезоименитство императрицы Екатерины Алексеевны) [2, с. 17].

Более того, документально зафиксированы эпизоды, когда Петр I лично редактировал подготовленные к выступлению, а затем и к публикации торжественные проповеди. В качестве примера можно сослаться на сохранившийся черновик архиепископа Тверского и Кашинского Феофилакта (Лопатинского) с текстом благодарственной службы по поводу Полтавской победы с замечаниями и правкой Петра I [12, с. 139–140]. О том, какое значение придавал Петр I пропаганде достижений своего царствования, свидетельствует собрание многочисленных рукописных и печатных экземпляров торжественных «Слов» (нередко содержащих пометки царя) в его личной библиотеке [1].

Принципиальное отличие панегирической проповеди петровского времени заключалось в ее близости к общеевропейскому типу словесной культуры. Проповедь перестала быть анонимной, большое значение приобрела индивидуальная личность автора, его кругозор и литературные дарования. В содержательной части такой проповеди отныне доминировал светский характер, в центре внимания теперь находились не отвлеченные ценности духовно-нравственного направления, а конкретные сюжеты внешней и внутренней политики Петра I. Кроме того, панегирическая проповедь обязательно предназначалась для тиражирования. Таким образом, существенно расширялась ее аудитория, не ограничиваясь кругом лиц, слушавших ее в момент произнесения автором в церкви. При этом необходимо иметь в виду то, что для абсолютного большинства современников Петра I не только печатная, но даже и устная проповедь достаточно долгое время воспринималась все еще как заимствованное новшество, чуждое старомосковской культурной традиции. Петр I, как известно, достаточно враждебно относившийся к всей атрибутике «древнего благочестия», не питавший уважения к монашескому идеалу, чрезвычайно последовательно продвигал именно проповедничество в повседневный обиход нового уклада церковной жизни. Торжественная проповедь, в центре внимания которой находились те или иные важные в данный момент события государственной жизни, стала неизменной составляющей жизни крупного города, и прежде всего Санкт-Петербурга. Высокая степень ответственности, возлагавшаяся на автора проповеди, требовала его соответствующей квалификации. Поэтому, с одной стороны, на протяжении почти всего XVIII столетия панегирическое проповедничество оставалось делом достаточно узкого круга просвещенных иерархов церкви. С другой стороны, сама проповедь, являясь атрибутом высокой учености, демонстрировала слушателям потенциал автора, возвышала его авторитет в глазах царя и его окружения. Тексты особо важных проповедей издавались (подчас достаточно массовыми тиражами), и исключительно гражданским шрифтом. Последнее обстоятельство указывает на целевую аудиторию — урбанизированное секулярное общество. Некоторые из этих проповедей (автором большинства которых был Феофан Прокопович) дополнительно переводились и публиковались на латинском языке для рассылки в европейские столицы.

Понимание важности пропагандистского воздействия «политической» проповеди Петром I подтверждается рядом его указов и распоряжений. Так, одному из ведущих проповедников этого времени иеромонаху Гавриилу (Бужинскому) было поручено отыскать и собрать все проповеди, произнесенные

разными лицами по поводу тех или иных событий в период Северной войны, для последующего редактирования и издания [18, с. 148]. Позже возникнет практика повсеместного обязательного чтения простому народу готовых печатных проповедей приходским духовенством.

Язык церковного панегирика очень быстро стал отходить от стилистической однородности, характерной для русской церкви допетровского времени. «Высокоторжественные» слова и речи позаимствовали у классической барочной проповеди нарочито сложную ученую структуру, многочисленные метафоры и аллегории, разноплановую символику. В современных исследованиях зафиксировано начало формирования в ораторской практике высших иерархов церкви петровского времени «близкого к национальному русскому литературному языку церковно-религиозного подстиля» [7]. При этом в обычной литургической практике сохранялся традиционный церковно-славянский язык.

Ю. В. Кагарлицким пронизательно подмечена пропагандистская манипулятивная составляющая «политической» проповеди. Содержание такой проповеди определяется двумя планами — «планом текущей ситуации и планом авторитетных топосов, которые черпаются в сакральном тексте, святоотеческой и агиографической литературе». Иными словами, любое событие рассматривается проповедником одновременно как с позиций текущего времени, так и с позиций надвременных, в основе которых лежат Св. Писание и Св. Предание. Ю. В. Кагарлицкий определяет это как манипуляцию авторитетной топикой «в интересах текущей ситуации, зачастую определяемой даже не церковным или нравоучительным поводом, а текущей политической ситуацией» [9]. Конечным результатом, своего рода режиссерской сверхзадачей, была сакрализация государства. Проповедь произносилась в торжественной обстановке кафедрального собора, превращаясь в восприятии слушателей в литургический элемент. В общую конструкцию включались и убранство храма, и церковное пение, и молитвенная сосредоточенность окружающих. Благодаря такому синтезу достигался своего рода кумулятивный эффект восприятия. То или иное событие государственной или придворной жизни, ранее маловажное с точки зрения христианского мироощущения, получало в этой обстановке новое значение. Неслучайным в связи с этим видится стремление Петра I к созданию ряда новых памятных дат и написанию к ним торжественных речей — здесь явно просматривается формирование нового литургического годового круга, который отныне должен совмещаться с традиционным церковным. Появление регулярно отмечаемых гражданских праздников и особого придворного календаря служило формированию исторического сознания русского общества, подводило к созданию новой идентичности.

Выстроив ряд важнейших викариальных дней, Петр превратил список торжеств в своего рода конспективную версию официальной истории империи. Годовые гражданские праздники должны были, по замыслу царя, ежегодно воспроизводить, «оживлять» перед глазами подданных историю его царствования [16, с. 9–10].

Наиболее известными представителями панегирического искусства петровского времени, фактически создавшими в России феномен церковного

политического ораторства, были Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский и Гавриил Бужинский. Именно их прот. Г. Флоровский характеризовал как колонию киево-могилянских выученников, «воспитанных в мыслях о Западе, если и не в западных мыслях» [20, с. 82], именно в этой среде Петр I нашел первое в церкви сочувствие своим культурным начинаниям.

Первое появление панегирической проповеди в России связано с именем митрополита Стефана Яворского. Именно его «Слово приветствующее победе» (1702), посвященное сражению при Эрестфере, стало в дальнейшем образцом жанра. Сложная композиция проповеди включала в себя синтез библейских аллюзий и новых смысловых ориентиров. Петр I предстает в образе Давида; одновременно обыгрывается евангельский мотив его имени (Россия утверждает на камне-Петре) и т. п. Степень восхваления царя-победителя в данном случае ни в коей мере не соответствовала достаточно скромному масштабу самой победы (сражение при Эрестфере, говоря современным языком, можно отнести к бою местного значения). Но для Петра I и его окружения важно было создать ощущение триумфа после поражения под Нарвой осенью 1700 г. Это поражение произвело тогда чрезвычайно тяжелое впечатление в России, а также вызвало заметное разочарование общественного мнения в тех европейских странах, где ранее с возрастающим интересом наблюдали за первыми шагами молодого царя. В связи с этим важно было предъявить победу русской армии не просто как временный тактический выигрыш, но и как исторический реванш за «нарвскую конфузию». Панегирическое слово Стефана Яворского было важной составной частью сложной триумфальной постановки в Москве. В комплекс викариальных торжеств входили и парады войск, и иллюминация с фейерверками, и торжественные богослужения. «Слово приветствующее победе» было призвано идеологически фундаментально обосновать не только историческую неизбежность победоносного продвижения России в Прибалтику, но и придать ему надысторический смысл, связать с волей Божьей. Позже, в 1708 г., в Санкт-Петербурге Стефан Яворский выступил с циклом проповедей «Три сени», в которых Петр I предстал уже в качестве преемника Христа. В каждой из этих трех проповедей за основу был взят евангельский эпизод, в котором апостол Петр обещает построить «сени» Иисусу, Моисею и Илии. Обыгрывая этот сюжет, Стефан Яворский предъявляет слушателям возведенные Петром I «сени во славу Божью» — город Санкт-Петербург, регулярную армию и флот. Проповедник подчеркивает определенное превосходство царя над апостолом — тот лишь обещает, а царь исполняет, не гнушаясь тяжелым трудом. В сочинениях Стефана Яворского постоянно обыгрывается имя царя. Тема камня, на котором возводится новое царство, проходит через проповеди Стефана Яворского сквозной нитью. Вся жизнь Петра I и его непрерывная и тяжелая работа подаются как богоугодное подвижничество [13].

В дальнейшем митр. Стефану Яворскому еще неоднократно приходилось выступать в качестве панегирического оратора-проповедника. На сегодняшний день установлено более трехсот его торжественных слов, из которых только часть была в разное время опубликована [19, с. 32].

Для лучшего понимания тематики и стилистики проповеди-панегирика можно в качестве примера привести ряд названий «Слов» еще одного чрезвычайно востребованного проповедника этого времени — Гавриила Бужинского. Он произносил их многократно, причем не только в пространстве храма, но и в дворцовых покоях, перед войсками и на кораблях (последнее вполне логично, т. к. он на протяжении многих лет являлся обер-иеромонахом флота, т. е. главой всех священников морского ведомства). В «Хронологическом каталоге слов и речей XVIII в.» к его авторству отнесены «Слово благодарственное Богу Триипостасному о полученной победе над Каролом вторынадесять Королем Шведским, и войски его под Полтавою», «Слово о победе полученной у Ангута, егда Российским гребным Флотом пленен Шведский Шаутбейнахт с Фрегатом, и не малым числом других судов. Лета 1714, Июля 27 дня», «Ключ Дому Давидова на рамо богохранимой державе российской от триипостаснаго победителя данный. Благочестивейшему же Императору и Монарху Всероссийскому, Петру Первому, врученный. В возвращенной благополучно крепости российской Слюссен бурху, лета 1702, Яже под хищным несправедным владением свинским девяносто лет бяше: В день воспоминания возвращения ея, при благодарствии Богу всемогущему» [21, с. 22–23].

Иногда торжественное «Слово» являлось не только публичным актом, но сопровождало событие, имевшее сакральное значение только в рамках личного пространства Петра I. Так, самое знаменитое и часто цитируемое «Слово в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя государя императора Петра Великого» того же Гавриила Бужинского было произнесено при поднесении царю вырезанного из меди плана его новой столицы. Впоследствии текст этого «Слова» часто прикреплялся к оттискам гравюры А. Зубова с изображением панорамы Санкт-Петербурга.

В проповедях Гавриила Бужинского апология Петра I граничила с сакрализацией его образа. В речи «Похвальное слово, произнесенное в празднуемый в 52-й раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого» содержится констатация воплощенности в нем божественного замысла. Это «Слово» было произнесено менее чем через год после окончания Северной войны, когда в ходе празднования Петру I был поднесен небывалый до сих пор в России титул — «Отец отечества, Великий император Всероссийский». Таким образом «Похвальное слово» Гавриила Бужинского закрепляло в сознании современников обожествление в образе Петра I российского абсолютизма.

Наиболее последовательным сторонником и апологетом петровских преобразований по праву считается епископ Феофан (Прокопович). В его многочисленных устных и печатных выступлениях («Слово о пользе путешествий», «Похвальное слово о флоте российском», «Слово о власти и чести царской» и т. п.), а также в наиболее репрезентативном «Слове на погребение Петра Великого» [6] уже не так чувствуется схоластическая традиция, столь характерная для Стефана Яворского и Гавриила Бужинского. В образе Петра Феофан Прокопович воплотил черты идеального монарха, при котором только и возможно благоденствие государства. Идеализация Петра Великого у Феофана Прокоповича максимальная, граничащая с культом. Собственно с этого культа в русской культуре формируется явление, которое А. М. Панченко определил

как «светскую святость», предполагающую уравнивание царя с отцами церкви. Глубокий исследователь творчества епископа Феофана И. А. Чистович, анализируя содержание его проповедей, отмечал: «Говоря о духе их, надо признаться с сожалением, что Феофан применялся к произволу монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истину царегодливости» [22, с. 119]. Сравнения Петра с Христом встречаются в «Приветствии Петру» Димитрия Ростовского, в «Службе благодарственная о великой Богом дарованной победе под Полтавой» Феофилакта Лопатинского.

Именно панегирическая проповедь стала началом публичной рефлексии петровского царствования. Слова и речи ученых иерархов первой трети XVIII столетия оказали заметное влияние на посвященную Петру I церковную историографическую традицию последующего времени [14]. Таким образом, уже при жизни Петра I были четко очерчены рамки будущего официального оценочного отношения к деятельности великого реформатора, за пределы которых церковные авторы XVIII — первой половины XIX в. старались не переступать. Кроме того, именно панегирическая проповедь стала основой для пришедшей ей на смену торжественной оды, расцвет которой приходится на середину — вторую половину XVIII в. Следы панегирической проповеди хорошо просматриваются в одах Тредиаковского, Кантемира, Сумарокова, Ломоносова и Державина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека Петра I. Указатель-справочник. — Л., 1978.
2. Бландов А. А. К биографии Гавриила (Бужинского) — проповедника и переводчика первой трети XVIII в. // Христианское чтение. — 2013. — № 1.
3. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. — М., 1957.
4. Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. — М., 1990.
5. Жирков Г. В. Журналистика: исторические этюды и портреты. — СПб., 2007.
6. Западов В. А. Русская литература XVIII в., 1770–1775: хрестоматия. — М.: Просвещение, 1979.
7. Звездин Д. А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2012.
8. Кагарлицкий Ю. В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М., 2000.
9. Кагарлицкий Ю. В. Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода, 1700–1775 гг.: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999.
10. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. — М., 1992.
11. Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России 2-й пол. XVII — нач. XVIII в.: от древнерусской книжности к европейской учености. — М.: Прогресс-Традиция, 2011.
12. Мартынов И. Ф. Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. — Л., 1974. — Сб. 9.

13. Митрополит Стефан Яворский. Похвальные и торжественные слова, переписка / публ., вступ. ст., словарь терминов и указ. имен Н. Н. Бородкиной. — Саратов, 2015.
14. Нетужилов К. Е. Оценка личности Петра Великого и преобразований петровской эпохи в церковной историографии Синодального периода // Вестник РХГА. — 2019. — Т. 20, № 3. — С. 277–284.
15. Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. — Л., 1974.
16. Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. — СПб., 2001.
17. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. 4: 1700–1712.
18. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб., 1876. — Т. IV: 1724–1725.
19. Сморжевских-Смирнова М. А. Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике Петровской эпохи. — Tallinn: University Press, 2013.
20. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. — Paris: Ymka-Press, 1983.
21. Хронологический каталог слов и речей XVIII века. СПбГУ. Филологический факультет. Кафедра истории русской литературы. Семинар «Русский XVIII век». — СПб., 2011.
22. Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. — СПб., 1868.